

Б.Н. Сопельняк

· ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ·

ТАЙНЫ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Историческое расследование (Вече)

Борис Сопельняк

Тайны русской дипломатии

«ВЕЧЕ»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Сопельняк Б. Н.

Тайны русской дипломатии / Б. Н. Сопельняк — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Историческое расследование (Вече))

ISBN 978-5-4444-2435-3

Так сложилось, что на Руси официальными сношениями с иностранными государствами занимались не только дипломаты, но и великие князья, цари и императоры. Все эти годы деятельность посольских приказов, а затем и Министерства иностранных дел напоминала айсберг: народ знал лишь то, что ему позволяли знать, а все секретное, конфиденциальное и не подлежащее оглашению лежало в архивах. Автору удалось приоткрыть стальные двери этих архивов и поведать о том, что многие годы широкой публике было неизвестно, о чем ходили слухи, а правда скрывалась за семью печатями.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4444-2435-3

© Сопельняк Б. Н., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Предисловие	6
Предотвращенные войны	8
Неведомые хитрости Кутузова	9
Английский подарок солнечному Баку	13
Ядерный пистолет у виска Вашингтона	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Борис Сопельняк

Тайны русской дипломатии

© Сопельняк Б.Н., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Предисловие

Историки считают, что за время своего существования человечество пережило 14 тысяч войн. Само собой разумеется, что речь идет о войнах, упоминаемых во всякого рода летописях, легендах и сказаниях, а также занесенных во всевозможные анналы и скрижали. И еще одна небезыңтересная цифра: в этих войнах было уничтожено более 4 миллиардов человек. До недавнего времени именно столько составляло население земного шара. Так вот представьте себе на минуту, что наша планета в мгновение ока обезлюдела. Представили? Жуткая картина, не правда ли?! Вот во что обходятся все эти забавы с луками, стрелами, мечами, ружьями, пушками, танками, самолетами и ракетами.

Я думаю, не будет преувеличением сказать, что войн на планете было бы гораздо больше, а значит, еще больше разрушенных городов и сел, не говоря уже о миллионах загубленных человеческих жизней, если бы не тихие и скромные люди, которых называют дипломатами и которые по долгу службы «уполномочены осуществлять официальные сношения с иностранными государствами».

Так сложилось, что на Руси официальными сношениями с иностранными государствами занимались не только дипломаты, но и великие князья, цари и императоры. Скажем, великие князья Олег, Игорь и Святослав были не только прекрасными воинами, но и хитроумными дипломатами. Не уступала им в искусстве переговоров и заключении выгодных союзов и премудрая Ольга. Они перехитрили даже могущественную Византию: то проигрывая, то выигрывая нередкие войны, они закрепили за собой Северное Причерноморье и Таманский полуостров.

Но всех дальновиднее, благоразумнее и предусмотрительнее был, конечно же, Владимир Красное Солнышко, который не только заключил военно-союзный договор с могущественной Византией и женился на византийской принцессе, но и ввел на Руси Православие. Это был гениальный ход! А ведь князя искушали и магометане, и иудеи, и посланцы от папы. Так Русь стала христианской страной, а после падения Византийской империи – оплотом Православия.

Так же активно вела себя русская дипломатия и в более поздние времена, когда центром государства стала Москва. Именно тогда Европа узнала имена таких выдающихся русских дипломатов, как Висковатый, Грамотин, братья Щелкаловы, Ордин-Нащокин, Голицын, а несколько позже Панин, Воронцов, Безбородко, Румянцев и Горчаков.

Бывало и так, что, казалось бы, верные союзники становились невольными пособниками врага: именно такая история чуть было не произошла осенью 1941-го. Мало кто знает, что в те дни, когда гитлеровские войска подошли к Москве, английское правительство разработало план бомбового удара по Баку, дабы кавказские нефтепромыслы не достались немцам. Назывался этот план «Английский подарок солнечному Баку». Остановить англичан смогли все те же дипломаты. А ведь если бы не они, то под Сталинградом заправлять советские танки было нечем.

Мирно разрешившийся Карибский кризис и не перешедшая в большую войну малая война с китайцами на острове Даманский – это тоже весьма значимые победы дипломатов.

Но бывало и так, что за подобного рода победы дипломаты платили своей кровью, а порой и жизнью. Первым в этом печальном списке стоит имя Александра Грибоедова. В те времена вся Россия почитала Грибоедова как автора знаменитой комедии «Горе от ума», но совсем не знала как талантливейшего дипломата. А ведь в Тегеране он работал, если так можно выразиться, в двух ипостасях: в качестве посла и в качестве резидента российской разведки. Закончилось все это печально: 30 января 1829 года фанатически настроенная толпа ворвалась на территорию российского посольства и перебила всех, кто там находился.

Случалось и так, что самых толковых и самых преданных дипломатов казнили по приказу тех, кому они служили. Именно так произошло с первым руководителем созданного в 1549 году Посольского приказа Иваном Михайловичем Висковатым. По свидетельству современников, Иван Грозный любил его, «как самого себя», доверял ему самые тайные и самые секретные дела. И надо же так случиться, что Иван Михайлович ввязался в чисто теоретический церковный диспут, мало того, в диспуте он победил. Но Ивану Грозному это почему-то не понравилось. В итоге от дел в Посольском приказе Висковатого отстранили, обвинили в изменнических сношениях с турецким султаном и казнили.

Как ни странно, много лет спустя эстафету уничтожения умнейших и преданнейших людей России с энтузиазмом подхватили большевики. Именно от их рук погибли такие люди, как Лев Карахан, Яков Давтян, Николай Крестинский, Григорий Сокольников, Христиан Раковский, Федор Раскольников и многие другие.

Особые испытания выпали на долю советских дипломатов, работавших на территории Третьего рейха. Как только началась война, многих из них арестовали, бросили в подвалы гестапо и начали пытать, требуя выдать шифры, а также имена и адреса разбросанных по стране нелегалов. Но такие люди, как Николай Логачев и Аркадий Баранов, прошли все круги ада, вплоть до имитации расстрела, но никого и ничего не выдали. А Александр Коротков и Валентин Бережков смогли не только сохранить контакт с подпольщиками «Красной капеллы», но даже передать им шифры, рацию и деньги.

Война еще только начиналась, и каждый толковый специалист был на вес золота, но 250 сотрудников Наркомата иностранных дел сменили авторучку на автомат и отправились на передовую, 67 из них пали на полях сражений.

Но справедливости ради нельзя не сказать, что дипломатический фрак основательно испачкан немалым количеством мерзейших пятен, а иначе говоря, среди них были и предатели, и изменники, и отступники, или, говоря высоким стилем, самые настоящие иуды. Сомнительная честь стать самым первым иудой среди русских дипломатов еще во времена Алексея Михайловича выпала подьячему Посольского приказа Григорию Котошихину, более известному как вор Гришка. Шведский король, на которого работал Котошихин, предателей не любил и за совершенное им бытовое преступление приказал бывшему русскому дипломату голову отрубить, а из останков сделать скелет, который стал учебным пособием для студентов Упсальского университета.

Казалось бы, это ли не урок для всех потенциальных изменников! Так нет же, предательства среди дипломатов не прекратились. История Александра Огородника и Аркадия Шевченко, которые стали предателями практически в наши дни, – ярчайшее тому подтверждение.

Но были и другие – самые настоящие герои холодной войны. Война в Корее и Вьетнаме, бесчеловечные провокации в Тель-Авиве, кровавые события в Праге, Будапеште и Браззавиле – все это вынесли на своих плечах русские дипломаты.

Все эти годы деятельность Министерства иностранных дел напоминала айсберг: народ знал лишь то, что ему позволяли знать, а все секретное, конфиденциальное и не подлежащее оглашению лежало в архивах. Не буду рассказывать, как мне удалось приоткрыть стальные двери архивов, но в этой книге я поведу речь о том, что многие годы широкой публике было неизвестно, о чем ходили слухи, а правда скрывалась за семью печатями.

Предотвращенные войны

Одна из главных заслуг дипломатов перед человечеством в том, что они не дали разгореться многим военным конфликтам, тем самым предотвратив разорение сотен городов и тысяч деревень, не говоря уже о том, что именно дипломаты спасли сотни тысяч, если не миллионы человеческих жизней, не дав пролиться рекам крови.

Неведомые хитрости Кутузова

Истории хорошо известны успехи русской внешней политики времен Петра I и Екатерины II. Выход к Черному и Балтийскому морям Россия получила не только благодаря русскому оружию, но и в не меньшей степени благодаря уму, дальновидности и, если хотите, ловкости таких выдающихся людей, как Шафиров, Панин, Воронцов и Безбородко, а несколько позже – Кочубей, Румянцев и Горчаков.

Но вот ведь как бывает: мы знаем имена великих россиян по их широко известным свершениям и почти ничего не ведаем о том, что их заслуги в делах других не менее значительны, чем те, о которых знает весь мир. Именно так случилось с Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Всем известно, что фельдмаршал Кутузов – великий полководец, разбивший самого Наполеона, но мало кто знает, что князь Кутузов был искуснейшим дипломатом и дальновидным политиком, предотвратившим несколько кровопролитных войн.

Правда, прежде, чем предотвращать войны, Кутузов научился их успешно вести. Службу он начал 14-летним подростком в чине капрала артиллерии, но уже через два года командовал ротой в Астраханском пехотном полку, командиром которого был Суворов. Первый раз Михаил Илларионович должен был погибнуть, когда ему не исполнилось и тридцати: турецкая пуля попала в левый висок и вылетела у правого глаза. Как правило, от таких ранений умирают, но Кутузов выжил: лишился глаза, долго болел, но в строй вернулся. Через несколько лет Кутузов должен был погибнуть во второй раз и снова от турецкой пули: на этот раз она попала в щеку и вылетела через затылок. Тогда-то и появилась хорошо известная запись пришедшего в недоумение врача: «Надобно думать, что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна».

Ну а дальше был легендарный штурм Измаила, захват Осман-паши и другие, сугубо военные подвиги. Екатерина II не скрывала своих симпатий к Кутузову, называла его не иначе как «мой генерал», осыпала наградами и наказывала своим сановникам «беречь Кутузова». Судя по всему, у матушки императрицы на молодого генерала были свои виды: она прекрасно знала, что Кутузов говорит на семи языках, что, кроме военного, отлично знает инженерное дело, но самое главное, она хорошо запомнила характеристику, которую дал своему подчиненному легендарный Суворов: «Ой, умен! Ой, хитер! Никто его не обманет».

Для дипломата лучшей характеристики и быть не может! Недолго поразмышляв (все-таки жалко было отвлекать от дел боевого генерала), императрица принимает совершенно неожиданное для двора решение – назначает Кутузова Чрезвычайным и Полномочным послом в столицу враждебной Турции. С самого начала новоиспеченный посол стал действовать как-то не так: не так, как принято. Скажем, вместо того, чтобы что-то духу мчаться в Стамбул, Кутузов от Днестра до столицы вместо двух недель добирался... три месяца. Ехал он в роскошной карете, часто останавливался, закатывал пиры. Да и свита у него была, так сказать, не по чину: 650 человек, не считая поваров, портных и всякого рода посыльных.

Турки только посмеивались: с таким-то послом совладать будет проще простого – сибарит, барин и, судя по всему, лентяй. Знали бы султан и его великий визирь, как жестоко они ошибаются, ни за что не дали бы так называемый агреман¹ отставному генералу и на пушечный выстрел не подпустили бы его к Стамбулу. Ведь большая часть свиты Кутузова состояла из неприметно одетых офицеров создающегося военно-топографического бюро, которые делали подробнейшие планы местности. Еще более неприметными были люди «смышленные и к дознанию благополезные», которые под видом купцов, художников или артистов шныряли по горо-

¹ Агреман – предварительное согласие одной страны на назначение определенного лица в качестве дипломатического представителя другой страны.

дам и селам, добывая компромат на влиятельных вельмож и даже на волооких красавиц из гарема.

Прибыв наконец-то в Стамбул, Кутузов всех буквально покори́л. И министры, и великий визирь, и даже султан Селим III быстро забыли о том, что Кутузов пролил реки турецкой крови, и стали закадычными друзьями русского посла. Используя где деньги, где компромат, где просто личное обаяние, Кутузов довольно быстро выполнил все поручения императрицы: французы получили строгий приказ покинуть Стамбул, враждебно настроенный к России молдавский господарь Мурузи был смещен, безопасное плавание русских купеческих судов гарантировано.

Что касается беспрепятственного прохода через проливы военных кораблей, то тут турецкие флотоводцы были категорически против. Но Кутузов их переиграл: на одном из приемов он вскользь заметил, что, будь русские и турки заодно, никто и никогда не посмел бы покуситься на проливы. Эти слова попали в газеты, а работавшие на русского посла «доброжелатели» начали подогрывать толпу, активно обсуждая этот вопрос на рынках и в кофейнях, само собой, склоняя правительство к такому союзу.

Не будет преувеличением сказать, что Кутузов буквально купался во всякого рода интригах, каверзах и приключениях – и все они на пользу делу, на пользу России. Со временем он стал так популярен, что его дипломатических подвохов начали опасаться в Париже, Лондоне и Вене. А сам Кутузов так вошел во вкус, что написал жене: «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но ежели ее делать как надобно, не столь мудрена, как военная».

Не знал тогда Михаил Илларионович, ох не знал, что главные его подвиги – и военные, и дипломатические – еще впереди. Шли 90-е годы XVIII века, Европа бурлила, с невиданной скоростью набирал силу Наполеон, взбунтовалась Польша, а Кутузов купался в неге и роскоши Востока. Так бы оно, наверное, было и дальше, если бы императрица не поняла, что никто, кроме ее любимого генерала, не сможет унять разгулявшегося Костюшко. Покрахтев и повздыхав, Кутузов сменил так полюбившийся ему дипломатический фрак на военный мундир и отправился усмирять восставших поляков. По своей давней привычке он не стал давать им генерального сражения, а неожиданно зашел в тыл. Поняв, что попал в ловушку, Костюшко сдался в плен, а тысячи русских солдат и польских повстанцев остались живы.

Императрица не преминула отметить заслуги Кутузова, приблизив его к себе настолько, что не могла провести без него ни одного вечера.

Был он с государыней и в последний вечер ее жизни... Как это ни странно, Павел I, люто ненавидевший всех любимцев матери, к Кутузову благоволил и послал его в Берлин вести переговоры о заключении союзного договора с Пруссией. Поручал он Кутузову и более деликатные миссии: Михаил Илларионович дважды встречал на границе шведского короля Густава IV и сопровождал его до Петербурга.

Но в 1802-м, сославшись на нездоровье, Кутузов попросился в отставку. Не думал он тогда и не гадал, что отставка будет недолгой: как оказалось, России без него не обойтись. Через три года Михаила Илларионовича назначают командующим армией и отправляют на борьбу с Наполеоном. Начало этой борьбы было неудачным: после вчистую проигранного Аустерлицкого сражения Александр I отстранил Кутузова от командования и назначил военным губернатором Киева.

Между тем Наполеон покорял одну европейскую державу за другой и катастрофически быстро приближался к границам России. В Петербурге понимали, что открытого столкновения с Францией не избежать, что на счету каждая пушка, каждый солдат, а тут, как на беду, русские войска ввязались в очередной конфликт с Турцией. Войны на два фронта не выдержать, это ясно. Но как, не потеряв лица, замири́ться с турками? Тогда-то и вспомнили о старом лисе, как его несколько позже стал называть Наполеон, сибаритствующем в своем имении Кутузове.

Приняв командование Молдавской армией, Кутузов повел себя довольно странно: он всячески поощрял распространение слухов о слабости вверенного ему войска, а также о своем нездоровье и чуть ли не старческом маразме. Турки, которых было раза в три больше, только посмеивались: зубы, мол, у старого тигра уже не те, ему бы сидеть на манной каше, а не охотиться на зубров и косуль. Их активно поддерживали французы, которые предлагали султану заключить военный союз против России, объявить своему северному соседу священную войну и во главе всех стран Востока двинуться на Москву.

Эта угроза была отнюдь не гипотетической – и тогда Кутузов решил показать зубы. В июне 1811 года он блистательно разгромил передовые отряды турецкой армии, но, когда в бегство ударились и основные силы, Кутузов их преследовать не стал и даже приказал оставить уже захваченную крепость Рушук. Многие сочли это большим просчетом Кутузова, недовольство выразил даже Александр I, но старый хитрец затеял такую многоходовую комбинацию, что до ее завершения никто ничего понять так и не смог. А Кутузов добился того, что турки разделили свою армию на две части и, считая, что под Рушуком Кутузов слаб, переправились на левый берег Дуная, где попали в западню и были наголову разбиты. Затем была окружена и уничтожена вторая часть турецкого войска.

Великий визирь Ахмет-паша, бросив солдат, бежал, но Кутузов преследовать его не стал. Больше того, он не спешил с пленением окруженной турецкой армии и даже взял на себя заботу о снабжении ее продовольствием. Этих действий Кутузова никто не понимал. Как полководец он просто должен был воспользоваться плодами победы и пленить ненавистных турок! Но Михаил Илларионович действовал не как удачливый военачальник, а как дальновидный дипломат. Он прекрасно понимал, что позор поражения, а потом и пленения тяжким бременем ляжет на нацию как таковую, кроме того дискредитирует Ахмет-пашу, который стал сторонником быстрого заключения мира с Россией.

И Кутузов оказался прав: в октябре 1811-го было заключено перемирие, а вскоре начались и мирные переговоры. Проходили они довольно сложно, в них то и дело вмешивались французы, которые обещали Турции всеобъемлющую помощь, если она пойдет на Москву. Подбрасывали огня в этот костер и англичане. Но Кутузов, у которого были свои информаторы еще с тех времен, когда он был послом в Стамбуле, прекрасно знал об этих каверзах и тут же запустил, говоря современным языком, такую дезу, что за голову схватились и турки, и французы. В Бухаресте, где шли мирные переговоры, а потом и в Стамбуле поползли слухи о том, что Наполеон предлагает России заключить союз против Турции, изгнать всех турок из Стамбула, а проливы поставить под совместный франко-русский контроль.

А тут еще подоспел договор о союзе Франции и Австрии: Кутузову удалось убедить турецких уполномоченных, что он направлен против Турции. Немалым аргументом в пользу возможного союза России и Франции, направленного опять же против Турции, был широко разрекламированный визит личного адъютанта Наполеона графа Нарбонна в ставку Александра I.

И турки сломались! 16 мая 1812 года они подписали мирный договор на благоприятных для России условиях. Для Наполеона это было полной неожиданностью! Он пришел в неописуемую ярость и обвинил министра иностранных дел в бездарности и неспособности защищать интересы своей страны. А несколько позже Наполеон признался, что, узнав о договоре, заключенном между Россией и Турцией, он должен был отказаться от русского похода. К сожалению, эти слова были сказаны уже после бесславного похода на Москву. А тогда, в июне 1812-го, Наполеон двинул свои полчища в Россию. Но встретили их не только две Западные армии, но и 50-тысячная Молдавская армия, которая ушла с турецких границ и влилась в противостоящие французам русские войска.

Казалось, после того, что сделал для России Кутузов-дипломат, можно было уйти на заслуженный отдых – ведь ему было 67 лет, но Россия не смогла обойтись без Кутузова-пол-

ководца. Что было дальше, хорошо известно: Бородино, Тарутино, Смоленск, Березина, форсирование Немана, а потом и Одера. И всюду «этот Бонапарте, этот бич человечества», как называл Наполеона Кутузов, бежал от него, «как дитя от школьного учителя». При этом, как бы оправдывая когда-то сказанные о нем Суворовым слова, Михаил Илларионович неизменно приговаривал:

– Наполеон? Разбить он меня может, но обмануть – никогда!

Английский подарок солнечному Баку

От Баку до Хельсинки – несколько тысяч километров, в конце 30-х – начале 40-х годов прошлого века это расстояние не мог преодолеть ни один военный самолет, и тем не менее именно финны могли стать первопричиной того, что от столицы Азербайджана не осталось бы камня на камне. Правда, известно это стало лишь в сентябре 1941-го, когда от резидента советской разведки в Лондоне пришло несколько тревожных телеграмм.

Тогда же в Москве получили одну из английских газет, в которой было опубликовано интервью личного секретаря Черчилля.

На вопрос о том, как Черчилль отреагировал на известие о нападении Германии на Советский Союз, тот ответил:

«Когда я ранним утром от наших военных получил это сообщение, то, конечно же, побежал будить премьер-министра – эта новость была из тех, которую надо было немедленно довести до сведения главы правительства. Но тут же вспомнил, что он раз и навсегда запретил мне будить его раньше восьми утра. Приказ можно было нарушить только в одном случае: если бы немцы высадились в Англии. Четыре часа я мучился подле его двери, не смея нарушить утренний сон патрона. А когда пробило восемь, я тут же Черчилля разбудил и сообщил экстраординарную новость.

– Так, значит, они все-таки напали! – это было первое, что сказал Черчилль.

Должен заметить, что сказал он это с явным облегчением. Оно и понятно, это означало, что Гитлеру теперь будет не до Англии. Я бы даже сказал, что решение Гитлера напасть на Советский Союз для Черчилля было даром богов».

В Кремле над этим интервью посмеялись, но когда добрались до телеграмм, то стало не до смеха. Одна из них была настолько ошарашивающе-циничной, что в Москве отказывались ей верить. Ведь буквально на следующий день после нападения Германии на Советский Союз Черчилль выступил по радио с такой откровенно просоветской речью, что каждый русский человек готов был его расцеловать. Вот что сказал тогда Черчилль:

– Я вижу русских солдат, стоящих на рубежах родной страны, охраняющих землю, которую их отцы населяли со времен незапамятных. Я вижу нависшую над ними немецкую военную машину, тупую, вымуштрованную, послушную, жестокую армаду немецкой солдатни, надвигающуюся как стая саранчи. И за ними я вижу ту кучку негодяев, которые планируют и организуют весь этот водопад ужаса, низвергающегося на человечество. У нас, у Великобритании, только одна цель: мы полны решимости уничтожить Гитлера и малейшие следы нацистского режима. Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем! Опасность для России – это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг – это борьба каждого свободного человека в любом уголке земного шара, – закончил он.

И вдруг шифровка из Лондона: «Все расчеты англичан базируются на неизбежном поражении Красной Армии в самом ближайшем будущем». Еще более беспардонным было переданное через Лондон сообщение из Вашингтона. «Сенатор Трумэн (впоследствии президент США. – Б.С.) заявил: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше”».

Нетрудно представить, какие чувства вызвали бы у русских людей эти откровения англо-американских союзников, просочись они в печать! Но так как никто, кроме кремлевских бонз, ничего об этом не знал, в СССР продолжали верить, что на Западе у нас надежные союзники и искренние друзья.

А лондонская резидентура продолжала бомбардировать Центр все более тревожными телеграммами. Одна из них цитировала отрывок из речи Черчилля, произнесенной в те же

дни: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. За последние двадцать пять лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. И я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем».

Слова – словами, но вскоре последовали и дела. Вернее, разработка планов, которые помогли бы реализовать эти дела на практике. Но наша разведка не дремала и тут же сообщила об этом в Москву.

«Произнося публично патетические речи о необходимости оказывать помощь Советскому Союзу, – говорилось в очередной шифровке, – Черчилль и не думает пресекать действия английских спецслужб и начальника штаба ВВС сэра Портела. Как нам стало известно, они предлагают ускорить подготовку бомбежки нефтяных промыслов Баку английской авиацией, базирующейся в Индии и на Ближнем Востоке, мотивируя это тем, что иначе они достанутся немцам».

В Кремле не на шутку забеспокоились! Бомбардировка Баку? Английской авиацией? Но это же невозможно! Англичане – наши союзники. Если бакинские нефтяные промыслы будут уничтожены, не взлетит ни один советский самолет и не сдвинется с места ни один танк! «А не подлая ли это дезинформация, подброшенная Гитлером, с целью посорить нас с англичанами?» – привычно подумали в Кремле и поручили стократно перепроверить полученную информацию.

Перепроверили... И вот что сообщил Сталину, Молотову и Берии начальник разведуправления НКВД Павел Фитин:

«По имеющимся у нас агентурным данным, английское командование Ближневосточной армией вскоре после начала советско-германской войны получило санкцию английского военного министерства на организацию специальной миссии. Перед этой миссией была поставлена задача разрушения наших кавказских нефтепромыслов для того, чтобы не допустить их перехода в руки немцев в случае, если бы такая опасность оказалась реальной.

Эта миссия, получившая условное название “Миссия № 16(Р)”, обосновалась в Северном Иране, где находится в полной готовности для переброски в нужный момент на самолетах на Кавказ».

А в те дни, когда немцы подошли к Москве и блокировали Ленинград, англичане сняли личину добропорядочности и поручили своему послу Стаффорду Криппсу поставить вопрос о сотрудничестве в деле уничтожения советских источников снабжения, в том числе и бакинских нефтепромыслов, перед самим Сталиным. Той же ночью Криппс сообщил в Лондон более чем сдержанный ответ Сталина: «Советское правительство само решит, когда именно наступит время для такого сотрудничества».

Англичане на эту удочку попались – они думали, что Сталин колеблется, и начали самый настоящий торг, обещая всевозможные компенсации, правда, после окончания войны. А так как все расчеты англичан строились на неизбежном поражении Красной армии, то, как вы понимаете, ни о какой компенсации не могло быть и речи.

Но пока шли все эти разговоры-переговоры, выяснилась одна прелюбопытнейшая деталь. Оказывается, идея о бомбардировке Баку возникла у англичан еще в декабре 1939 года как ответная мера на действия советских войск в Финляндии. Но почему эта бомбардировка не была осуществлена? Что им помешало? Кто их остановил? Ответ на этот вопрос удалось найти в архивах. Как оказалось, подняться в воздух и взять курс на Баку английским «ланкастерам», «галифаксам» и «спитфайерам» помешали советские дипломаты. Они действовали так напористо, стремительно и целеустремленно, что, несмотря на далеко не бесспорные успехи Красной армии, сумели заключить мир, причем на выгодных для Советского Союза условиях.

Напомню, как это было... Все началось с семи выстрелов, каких-то семи выстрелов в районе местечка Майнола. Финны говорили, что первыми начали русские, а наши – что они лишь ответили на огонь со стороны Финляндии. Судя по всему, этого повода ждали обе сто-

роны, так как к 30 ноября 1939 года Финляндия сосредоточила на границе около 600 тысяч человек, 270 самолетов и 60 танков. Советский Союз выставил несравненно большие силы: 960 тысяч солдат и командиров, около 3 тысяч танков, 3250 самолетов, 11 200 орудий и минометов, не говоря уже о кораблях Балтийского и Северного флотов, а также Ладожской военной флотилии. А разгорелся сыр-бор из-за того, что Москва просила отодвинуть советско-финляндскую границу подальше от Ленинграда, которая в то время проходила всего в 32 километрах от Северной столицы, и сдать в аренду полуостров Ханко, на котором предполагалось построить военно-морскую базу. В обмен предлагалась вдвое большая территория в советской Карелии. Финны, поддерживаемые Англией, Францией и даже находящейся в состоянии войны с этими странами Германией, заупрямились. Ну а потом были те самые выстрелы у Майнолы...

Война продолжалась всего 105 дней, но была невиданно кровопролитной. Советский Союз потерял убитыми 70 тысяч человек и более 170 тысяч было ранено и обморожено. У финнов на поле боя погибло 23 тысячи солдат и офицеров и 44 тысячи было ранено. Эта война могла бы продолжаться гораздо дольше и потерь было бы куда больше, если бы... не дипломаты. Среди них особое место занимает дочь царского генерала, потом проповедница свободной любви и одновременно жена героя Гражданской войны бывшего матроса Павла Дыбенко Александра Михайловна Коллонтай, которая в те годы была советским полпредом в Швеции.

Будучи мудрой женщиной и дальновидным дипломатом, Александра Михайловна еще 19 августа 1939 года записала в своем дневнике:

«Финляндию гитлеровцы крепко обрабатывают. От их газет тошнит, готовят для себя подступ к СССР. Всячески льстят финнам и напоминают им политику русификации при царизме, преступления России против независимости Финляндии... Так лгут и клеветают на Советский Союз, проповедуя прогерманизм и восхваляя порядок и “правосудие”, установленные в Третьем рейхе. Финляндию немцы явно готовят для удара на нас. Удержит ли Швеция свою нейтральность в этом случае?.. Война близится, и что ни день, то все яснее чувствуешь ее неизбежность».

Но предчувствовать войну – это одно, а пытаться ее предотвратить – совсем другое. И Коллонтай начинает действовать! Она встречается с представителями министерства иностранных дел Швеции, зондирует почву в Финляндии – и видит, что и в Стокгольме, и в Хельсинки настроение не просто неуступчивое, а откровенно воинственное: еще бы, за спиной все страны Запада, и все обещают поддержку. Чтобы четче представлять позицию Советского Союза, Александра Михайловна едет в Москву. Там она несколько часов ждет приема у Молотова, а когда вошла в кабинет, то была буквально ошарашена вопросом наркоминдела:

– Ну что, приехали хлопотать за ваших финнов?

Этим было все сказано, и можно возвращаться в Стокгольм.

Но Молотов решил объяснить подробнее:

– Договориться с ними невозможно. Финны упорствуют. И нам ничего другого не остается, как заставить их понять свою ошибку и принять наши предложения. А ваша задача – удержать шведов от вхождения в войну. Пусть себе сидят в своем излюбленном нейтралитете. Одним фронтом против нас будет меньше.

Коллонтай возвращается в Стокгольм и делает все возможное, чтобы выполнить поручение Молотова. И ей это удается! Больше того, в разгар боев, когда Советский Союз исключили из Лиги Наций, а в Париже и Лондоне били окна советских посольств, когда Англия и Франция обратились к шведам с просьбой пропустить их войска для оказания помощи Финляндии, Александра Михайловна пустила в ход все свои связи и добилась того, что шведское правительство отказало в пропуске этих войск и еще раз подтвердило свой нейтралитет.

А потом Александра Михайловна сделала то, за что ей надо было бы поставить прижизненный памятник. Выйдя на влиятельных шведов, а через них на министра иностранных дел Финляндии Таннера, она заманила его в Стокгольм, тайно встретила с этим непримиримым

войкой на конспиративной квартире и за несколько часов «ястреба» превратила в «голубя». Хотя и со скрипом, но Таннер согласился принять все условия Москвы и поехать в Советский Союз для ведения мирных переговоров.

Как это ни странно, но начавшиеся 7 марта 1940 года переговоры больше всего встревожили англичан и французов. Александра Михайловна пишет в своем дневнике, что их нажим перешел все границы, что они обещают прислать «бомбовозы и другие воздушные военные объекты», лишь бы финны удержались от подписания мирного договора с Советским Союзом. Как видите, опять возникают бомбовозы. А ведь те самые «ланкастеры» и «галифаксы» могли долететь не только от Ирана до Баку, но и от Хельсинки до Москвы. Сто один самолет англичане все же прислали, не меньше их было и в Ближневосточной армии, но ни один из них взлететь так и не успел: 12 марта между Советским Союзом и Финляндией был подписан мирный договор, а на следующий день прекратились военные действия.

В тот же день в дневнике Александры Михайловны Коллонтай появилась ликующая запись:

«Неужели сегодня кончится эта мука и можно будет жить, как обыкновенный человек, без этой ответственности за жизнь бойцов и за правильное выполнение задачи, поставленной страной?! А министры иностранных дел Англии и Франции Галифакс и Деладье остались “с носом”!»

Послала поздравительную телеграмму Сталину и Молотову и получила в ответ от них “поздравление и признание моих заслуг в успешном доведении этого дела до благоприятного конца”».

Как ни грустно об этом говорить, но благоприятного конца не получилось: как только Гитлер напал на Советский Союз, Финляндия выступила на стороне Германии. И снова в дело пришлось вступать Александре Михайловне Коллонтай. Как известно, Финляндия не стала дожидаться полного разгрома гитлеровских войск, а вышла из войны в сентябре 1944-го, и в этом огромная заслуга не только советских солдат, но и советских дипломатов, которые путем сложных и необычайно тонких комбинаций смогли склонить финское правительство к перемирию, а затем и заключению мирного договора. А мир для дипломата – это главная цель его жизни и профессиональной деятельности.

Ядерный пистолет у виска Вашингтона

Никогда современный мир не был так близок к атомной войне, как в семь дней и ночей конца октября 1962 года. Все началось с довольно странной шутки, которую Хрущев повторял изо дня в день, причем чаще всего своим гостям из капиталистических стран. Прогуливаясь по пляжу крымской дачи, Хрущев вдруг начинал пристально вглядываться в даль и спрашивал высокопоставленных представителей капитала, не видят ли они турецкий берег. Те тоже начинали щуриться, пытаясь заглянуть за горизонт, но в конце концов сдавались и говорили, что ничего не видят.

– Ну, это у вас близорукость, – ухмыляясь, замечал Хрущев. – А вот я прекрасно вижу не только турецкий берег, но даже наблюдаю за сменой караулов у американских ракетных установок, нацеленных в сторону СССР. Наверное, на карту нанесена и эта дача. А вы как думаете?

Гости тут же скисали: они-то понимали, о чем идет речь. В те годы американцы действительно вели себя нагло и вызывающе, где надо и не надо демонстрируя свои бицепсы: они разместили ракеты среднего радиуса действия не только в Западной Германии и Италии, но даже в Турции, прямо у берега Черного моря. И если учесть, что ядерных зарядов у США было 5 тысяч, а у Советского Союза всего 300, обеспокоенность главы Советского правительства можно было понять.

И вот однажды шутка Хрущева получила совершенно неожиданное продолжение: в его бедовой голове родилась мысль «приставить ядерный пистолет к виску Вашингтона». Как это сделать? Да проще простого! Ведь в каких-то 140 километрах от США расположена Куба, та самая Куба, которая сбросила ярмо капитализма и невиданно быстрыми темпами строит социализм, в чем мы ей, конечно же, помогаем.

Из Гаваны был вызван бывший корреспондент ТАСС (на самом деле сотрудник КГБ) Александр Алексеев, который к этому времени числился советником нашего посольства и, по достоверной информации, поддерживал дружественные и доверительные отношения с Фиделем Кастро. Алексеев тут же был доставлен в Кремль, и не куда-нибудь, а прямо в кабинет Хрущева. По воспоминаниям Алексеева, беседа проходила с глазу на глаз, без каких-либо советников и референтов.

Хрущев так подробно расспрашивал о Кубе и особенно о ее руководителях, что очарованный приемом специалист по Кубе выложил все, что знал. И вдруг, в разгар беседы, Хрущев стал прощаться, правда, попросив из Москвы пока что не уезжать, так как не исключено, что его интересный рассказ захотят послушать и коллеги из Политбюро.

Уходя из Кремля, Алексеев недоумевал безмерно. Неужели из-за этого непринужденного разговора понадобилось вызывать его в Москву?! Ведь все, что он рассказал, можно было изложить письменно и переслать с диппочтой.

Хитроумный ход Хрущева проявился через четыре дня, когда Алексеева снова вызвали в Кремль. На этот раз его внимательно слушали не только политики, но и военные, в том числе командующий ракетными войсками стратегического назначения маршал Бирюзов. Вначале Алексеев не придавал этому никакого значения, но, когда заговорил Хрущев, у него упало сердце: он понял, зачем здесь главный ракетчик Советского Союза.

– Мы назначаем вас послом на Кубу, – начал Хрущев. – Ваше назначение связано с тем, что мы приняли решение разместить на Кубе ракеты с ядерными боеголовками. Только это сможет оградить Кубу от прямого американского вторжения. Как вы думаете, согласится ли Кастро на такой наш шаг?

Для Алексеева все это было полной неожиданностью. Назначение послом – это, конечно, прекрасно. Но ракеты? Это же прямой вызов американским «ястребам», которые ждут не

дождутся какого-нибудь повода для развязывания войны! Да и Фидель... Одному богу ведомо, какотреагирует Фидель. И новоиспеченный посол решил возражать. С трудом преодолев замешательство, Алексеев выразил сомнение в том, что Фидель с таким предложением согласится, так как концепцию обороны острова строит на боеготовности всего народа и на солидарности мирового общественного мнения. Кроме того, советское военное присутствие наверняка будет использовано американцами для полной изоляции Кубы на Латиноамериканском континенте.

Хрущеву эта реплика не понравилась. Он взял слово и в своем напористом выступлении не оставил камня на камне от аргументов Алексеева. Он сказал, что ни секунды не сомневается в том, что в отместку за позорное поражение на Плайя-Хирон американцы предпримут новое вторжение на Кубу, причем не с помощью наемников, а собственной морской пехотой. И это не голые домыслы, а выводы, основанные на данных советской разведки. Что может удержать зарвавшихся янки от этого рокового шага? Только угроза того, что они будут иметь дело не только с вооруженной автоматками маленькой Кубой, но и со всей ядерной мощью великого Советского Союза. Это во-первых. А во-вторых, надо заставить американцев влезть в шкуру советского народа, который живет в окружении военных баз и всевозможных ракетных установок с ядерными боеголовками: пусть почувствуют на себе, что значит постоянно находиться под прицелом атомного оружия.

Тогда же всплыла еще одна любопытная деталь. По разведывательным каналам поступили данные о том, что Пентагон еще в феврале 1962 года разработал так называемый «кубинский проект», в соответствии с которым окончательным сроком свержения режима Кастро назван октябрь того же года. А чуть раньше должны быть проведены учения по высадке американского десанта на одном из островов Карибского моря. Американцы не были бы американцами, если бы не привнесли элемент голливудщины даже в такое серьезное дело: целью учений объявили освобождение островного государства от злобного диктатора по имени Ортсак. Выговорить это имя чрезвычайно трудно, зато если его прочитать с конца, то получится – Кастро. Так что намек был всем понятен.

В конце своего выступления Хрущев подчеркнул, что «ракеты необходимо доставлять и размещать незаметно, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы поставить американцев перед свершившимся фактом». Самое странное, что с международно-правовой точки зрения никаких мер предосторожности можно было и не предпринимать. Если правительства той же Турции и Италии дали согласие американцам на размещение ракет на своей территории, то это было совершенно законно, потому-то Москва и оставила эти акции без каких-либо последствий. И если Куба давала согласие на размещение советских ракет, то это тоже было совершенно законно... Правда, пока что не было решения Фиделя, но чтобы его получить, в Гавану срочно вылетела целая делегация, в состав которой вошел и маршал Бирюзов, но под другой фамилией.

Как вспоминает Алексеев, делегацию приняли Фидель и его брат Рауль. Они с пониманием отнеслись к озабоченности Советского Союза развитием событий вокруг Кубы и выразили благодарность за предлагаемое содействие в укреплении обороноспособности молодой республики. Но все это было прелюдией к главной фразе, которая прозвучала из уст только что назначенного советского посла:

– Если кубинские друзья сочтут для себя полезным такое средство устрашения потенциального агрессора, то Советское правительство готово рассмотреть вопрос о размещении на территории Кубы ракет средней дальности.

Фидель не проявил никаких эмоций... Он лишь задумался, правда не надолго, а затем сказал, что ему «эта идея кажется интересной, поскольку она, кроме защиты кубинской революции, послужит интересам мирового социализма и угнетенных народов в их борьбе с обнаглевшим американским империализмом». Потом он снова задумался и через некоторое время добавил:

– Это очень смелый шаг. И чтобы его сделать, мне надо посоветоваться со своими ближайшими соратниками. Но если принятие такого решения необходимо социалистическому лагерю, я думаю, мы дадим свое согласие на размещение советских ракет на нашем острове. Пусть мы будем первыми жертвами в схватке с американским империализмом!

Вы только вдумайтесь в последние слова Фиделя, представьте всю меру ответственности, которую брал на себя молодой руководитель Кубы! Он прекрасно понимал, что если советские ракеты с ядерными боеголовками полетят на Америку, то США непременно ответят тем же. И что тогда останется от Кубы, от только начинающего вылезать из вечной нищеты народа?! Но на следующий день советская делегация получила однозначный ответ: «Да, мы согласны с размещением советских ракет».

В тот же день к делу приступил генерал Грибков, который отвечал за переброску ракет СС-4 на Кубу. Всего их было 42, и все с ядерными боеголовками. Мощность каждой из этих боеголовок равнялась мощности атомных бомб, сброшенных американцами на Хиросиму и Нагасаки. А если учесть, что ни одну из ракет на таком близком расстоянии перехватить невозможно, то можно было без всякого преувеличения сказать, что ядерный пистолет оказался у самого виска Вашингтона.

Первыми тревогу забили западногерманские союзники США: они сообщили в ЦРУ, что количество советских судов, идущих на Кубу, увеличилось в десять раз. Неужели кубинцам понадобилось так много сеялок, тракторов и комбайнов? Американцы на эту информацию не обратили никакого внимания. Не обратили они внимания и на письма, в которых кубинцы сообщали своим родственникам, бежавшим в США, о каких-то здоровенных ящиках, выгружаемых по ночам с прибывающих советских судов. И лишь 14 октября, после того как разведывательный самолет У-2 сделал фотосъемку стартовых площадок, американцы схватились за голову: не было никаких сомнений, что на Кубе стоят советские ракеты, способные нести ядерные боеголовки.

Доложили президенту Кеннеди, который тут же создал «кризисную группу», в которую вошли и «голуби», и «ястребы». Представители Пентагона выступали за немедленную бомбардировку Кубы, причем если понадобится, то и атомными бомбами. К счастью, в окружении Кеннеди были и не столь горячие головы, которые склонили президента к разрешению возникшей проблемы методами дипломатии, переговоров и поисков компромиссов. Но с кем вести переговоры, если даже советский посол в США Анатолий Добрынин ничего не знал о переброске наших ракет на Кубу. Он прямо так и пишет:

«Москва умышленно, в целях сохранения тайны, не только не информировала меня о таком драматическом развитии событий, как поставка ядерных ракет на Кубу, но и фактически сделала своего посла невольным орудием обмана, поскольку я упорно повторял американским собеседникам, что на Кубе находится только оборонительное оружие. А ведь в моих верительных грамотах, врученных президенту Кеннеди, правительство СССР призывало его верить всему, что будет говорить посол от имени правительства... Несколько позже я узнал о том, что в Белом доме даже обсуждался вопрос о том, не потребовать ли моего отзыва с поста посла в Вашингтоне за то, что я сознательно вводил в заблуждение правительство США».

Еще большее удивление вызывает другой, не поддающийся объяснению факт. 18 октября состоялась встреча президента Кеннеди с министром иностранных дел Советского Союза Громыко. Они говорили о чем угодно, но только не о советских ракетах, стоящих на Кубе и нацеленных на США. Кеннеди по каким-то причинам этот вопрос обходил, хотя, как несколько позже выяснилось, снимки стартовых площадок лежали на его столе, а Громыко, раз у него не спрашивали, разговор на эту щекотливую тему тоже не начинал.

Но почему Кеннеди промолчал? Почему не потребовал немедленных объяснений? Одни считают, что он еще не сделал окончательного выбора, с кем он – с «ястребами» или «голубями», то есть бомбить Кубу или попытаться договориться. Другие, ссылаясь на мнение Хру-

щева, считавшего Кеннеди «слабаком, не способным на решительные контрдействия», уверяли, что дело именно в этом, в мягкотелости и нерешительности президента.

Как бы то ни было, Кеннеди и Громыко расстались, так и не затронув ракетно-ядерную тему. А Добрынин в своих воспоминаниях уверяет, что даже в аэропорту Нью-Йорка, где он провожал Громыко, всесильный министр не сказал ему ни слова о ракетах.

«Как только в полдень улетел самолет Громыко, – пишет далее Добрынин, – ко мне подошел сотрудник американской миссии при ООН и передал просьбу госсекретаря Раска посетить его в Госдепартаменте в тот же день в шесть часов вечера. Мне стало ясно, что речь идет о чем-то серьезном, ибо Раск никогда не настаивал так категорично на определенном часе наших встреч. Я срочно вылетел в Вашингтон и в назначенное время был у Раска.

Госсекретарь сказал, что у него есть поручение президента передать через меня личное послание президента США Хрущеву по кубинскому вопросу, а также вручить для сведения текст обращения президента к американскому народу, с которым он намерен выступить в семь часов вечера по радио и телевидению».

Выступление Кеннеди повергло весь мир в шок! Он не только потребовал немедленного вывода всех ракет, но и объявил военную блокаду Кубы. В море вышли эсминцы и крейсера, в небо поднялись эскадрильи бомбардировщиков и перехватчиков, у побережья сосредотачивались батальоны морской пехоты. В полную боевую готовность, включая готовность к ядерной войне, было приведено Стратегическое воздушное командование.

А по коридорам советского посольства носились возбужденные сотрудники. Совещание следовало за совещанием. Было введено круглосуточное дежурство. Чтобы отслеживать обстановку в стране, резидентура разведслужб подняла на ноги всю свою агентуру. Членам семей велели лишний раз не выходить на улицу. На всякий случай начали уничтожать наиболее ценные документы. Все понимали, что обстановка без всяких преувеличений предвоенная, и готовились к самому худшему.

На следующий день пришло ответное послание Хрущева – и оно подлило масла в огонь. Хрущев категорически отвергал право США устанавливать контроль над судоходством в международных водах, обвинял Америку в недопустимом вмешательстве во внутренние дела Кубы, ее праве на оборону от агрессора и выражал туманную надежду на здравый смысл и «во избежание катастрофических последствий для всего мира» на отмену всех мер, объявленных США. Министр обороны Макнамара тут же заявил, что американцы не остановятся перед потоплением советских судов, если они откажутся подчиниться требованиям их военных кораблей.

И надо же так случиться, что буквально на следующий день представилась возможность проверить серьезность заявления Макнамары. К этому времени американцы уже остановили и проверили одно идущее на Кубу судно, но оно шло под канадским флагом и было всего лишь зафрахтовано нашим паромством. Ничего, кроме сельскохозяйственных машин, на борту не было, и его отпустили. Но одно дело канадский капитан, и совсем другое – русский. Наши парни, хоть руководство их и просило не лезть на рожон, дико возмутились. «Это что же такое? – негодовали они. – Какие-то вшивые янки будут шастать по нашим трюмам и каютам и рыться в рундуках?! Да никогда этому не бывать! Да мы лучше на нее повесимся, нежели позволим ступить на палубу хоть одному американцу!»

И русские капитаны пошли на прорыв! Цедя сквозь сжатые зубы бессмертного «Варяга» и не обращая внимания на нацеленные жерла орудий, они рванули прямо на американские эсминцы. «А-а, на таран – так на таран! – кричали они. – Пощады никто не желает!» Этого американцы никак не ожидали и... расступились. Но за один танкер американцы все же зацепились, и сделали они это, скорее всего, потому, что буквально изо всего привыкли делать шоу. Целый день вся Америка не отрывалась от телевизоров, глядя, как к установленной американской декларацией о блокаде Кубы черте приближается советский танкер. На требования

повернуть он только качнул носом и попер на американцев. Те – врассыпную! Но самолеты не отстают... Вот до условной черты осталось три мили... две... одна. Пора открывать огонь! Но танкер-то может быть не с оружием, а с горючим, и тогда так полыхнет, что загорятся эсминцы, а на них горячо любимые американские парни. Уфф! Всеобщий вздох облегчения пронесся по Америке: американские парни решили не рисковать и пропустили русских парней к этой чертовой Кубе.

Но если события в Карибском море стали предметом захватывающего шоу, продолжавшегося всего один день, – и об этом узнал весь мир, то в это же время произошло куда более интересное и драматичное чрезвычайное происшествие, о котором знали единицы, но из которого можно было сделать многосерийный фильм. Дело в том, что в разгар Карибского кризиса, а точнее, в ночь на 23 октября 1962 года, в Москве был арестован сотрудник Главного разведывательного управления и одновременно американский шпион Олег Пеньковский.

Несколько позже американский ученый Гартхофф, сам не один год работавший в ЦРУ, рассказал, что роль детонатора третьей мировой войны мог сыграть именно Пеньковский. Дело в том, что связь со своими хозяевами он поддерживал только через тайники, но так как и англичане, и американцы им очень дорожили, то на случай чрезвычайных обстоятельств дали ему два условных неречевых сигнала, которые он должен был передать по телефону. Один из таких сигналов означал: «Меня пришли арестовывать», а другой: «Грядет война», что значило, что СССР вот-вот нанесет ядерный удар. Так вот когда за ним пришли, Пеньковский передал не первый, а второй сигнал!

Когда этот сигнал дошел до Лэнгли, там запаниковали: во-первых, в ЦРУ всегда верили своему самому ценному и самому информированному агенту, и во-вторых, ситуация у берегов Америки без всякого преувеличения была предвоенной. К счастью, нашлись сотрудники среднего звена, которые, взяв на себя колоссальную ответственность, руководству доложили лишь об аресте Пеньковского, но не о переданном им сигнале. Как считает Гартхофф, дойди слова Пеньковского до генералов, они тут же объявили бы состояние наивысшей степени готовности к началу военных действий, включая применение ядерного оружия. А дальше все зависело бы от нервов дежурных офицеров: у кого-то они могли сдать, потом поворот ключа, нажатие на кнопку – и все, конец света. Как уверяет Гартхофф, не исключено, что именно к этому стремился Пеньковский. «Когда ему пришел конец, – пишет бывший сотрудник ЦРУ, – он, очевидно, решил сыграть роль Самсона, обрушив храм, под развалинами которого погибли бы и все остальные».

Но вернемся в Вашингтон, тем более что начиная с 23 октября солистами в этом рискованном спектакле стали дипломаты. Добрынин вспоминает, что поздно вечером к нему пришел Роберт Кеннеди. Он был сильно возбужден и сразу заявил, что явился по своей личной инициативе, чтобы сообщить, что его брат Джон чувствует себя обманутым, что, поверив всему, что ему говорила и писала Москва, он поставил на карту свою политическую судьбу, публично заявив, что поставки на Кубу носят чисто оборонительный характер, в то время как там появились ракеты, поражающие почти всю территорию США. Само собой разумеется, что нанесен серьезный ущерб и личным отношениям между президентом и советским премьером, а ведь от этих отношений зависит очень и очень многое.

Это была первая и далеко не последняя встреча Добрынина с Робертом Кеннеди, которые проходили, как правило, поздно ночью либо в доме посла, либо в министерстве юстиции США, куда Добрынин приходил через особый подъезд. Тогда же начался обмен письмами между Кеннеди и Хрущевым: и тот и другой вели себя довольно воинственно, не желая сдавать своих позиций.

Тем временем в Гаване готовились к бомбежкам и отражению американской агрессии. Посол Алексеев каждый день встречался с Фиделем и рассказывал ему о переписке между Кеннеди и Хрущевым. Фидель был спокоен. Он знал, что американцы запаниковали, что они

срочно приводят в порядок противоатомные убежища, что население сметает с прилавков продукты, что радио и телевидение хоть и призывают уничтожить советские ракеты, но при этом замечают, что бомбить Кубу едва ли надо.

Так было до 27 октября, названного американцами «черной субботой». Вот как рассказывает о событиях того дня Добрынин:

«Поздно вечером меня пригласил к себе Роберт Кеннеди. В его кабинете был большой беспорядок. На диване валялся скомканный плед, видимо, хозяин кабинета здесь же урывками спал. Важный разговор состоялся наедине. Кубинский кризис, начал он, продолжает быстро углубляться. Только что получено сообщение, что сбит американский самолет, осуществлявший наблюдательный полет над Кубой. Военные требуют от президента отдать приказ отвечать огнем на огонь... Но если начать ответный огонь, пойдет цепная реакция, которую будет очень трудно остановить. Что касается ракетных баз, то правительство США полно решимости избавиться от них – вплоть до их бомбардировки. Но тогда погибнут советские люди, и СССР ответит нам тем же. Начнется самая настоящая война, в которой погибнут миллионы американцев и русских. Мы хотим избежать этого во что бы то ни стало».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.